
Понятие искусственного интеллекта и его перспективы с точки зрения философии Живой Этики*

© 2021 г. Е.В. Фалёв

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

E-mail: falev@philos.msu.ru

Поступила 06.05.2020

В статье рассматривается понятие искусственного интеллекта (ИИ) с применением категорий и базовых принципов учения о сознании в философии Живой Этики, являющейся современной формой древней традиции изучения сознания в индийской философии и духовной практике. Категориальный аппарат индийской философии содержит богатый арсенал различений, который может быть с успехом применен и в современных когнитивных исследованиях, независимо от принятия или непринятия теоретических основоположений восточных учений западной наукой. В статье показано, что более точная формулировка понятий позволяет провести четкие границы между «сильным» и «слабым» ИИ, а также между тем, что теоретически возможно в отношении ИИ и что принципиально невозможно. К невозможному относится создание «сильного ИИ» в классическом смысле слова как интеллекта, обладающего «представлениями». Однако более глубокое понимание природы сознания, выраженное в категориях ЖЭ, позволяет расширить представление о границах возможного в отношении «слабого ИИ». Во-первых, ЖЭ признает «механистичность» большей части интеллектуальных операций, а значит, даже «слабый ИИ» может теоретически выполнять многие операции, на выполнение которых ранее мог претендовать только сильный ИИ. Во-вторых, с точки зрения ЖЭ сознание и разумность являются неотъемлемыми внутренними потенциальными материальных систем, проявляющимися в их способности к самоорганизации. Соответственно, часть признаков «искусственного» интеллекта могут быть переосмыслены как проявление имманентной «разумности» материи, что также расширяет границы возможностей в развитии ИИ. Проводятся параллели с концепциями разума и сознания в европейской философии (Дж. Бруно, Лейбниц, А. Бергсон, Э. Гуссерль), а также с современными концепциями системного подхода Н. Лумана и сетевого подхода Б. Латура.

Ключевые слова: сознание, искусственный интеллект, Живая Этика, рассудок, разум, интуиция, скандхи, искусственные нейронные сети.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-175-186

Цитирование: Фалёв Е.В. Понятие искусственного интеллекта и его перспективы с точки зрения философии Живой Этики // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 175–186.

* Исследование выполнено в рамках научно-образовательной школы МГУ «Мозг, когнитивные науки и искусственный интеллект».

The Concept of Artificial Intelligence and its Prospects from the Perspective of the Living Ethics' Philosophy*

© 2021 Egor V. Falev

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy,
27/4, Lomonosovskiy av., 119991, GSP-1, Moscow, Russian Federation.*

E-mail: falev@philos.msu.ru

Received 06.05.2020

The article considers the concept of artificial intelligence (AI) using categories and basic principles of the consciousness theory developed in the Living Ethics (LE). The latter is a modern form of the ancient tradition of exploring consciousness in Indian philosophy and spiritual practice. Categorical apparatus of Indian philosophy contains rich variety of distinction which may be successfully implemented also in the modern cognitive researches. The article shows that more precise definitions of the basic concepts allow to fulfill strict delimitation between “strong” and “weak” AI as well as between what is possible and what completely impossible regarding AI. Strong AI in a sense of possessing “subjective presentations” appears to be impossible. But, a deeper understanding of nature of consciousness in LE allows to move the limits of what is considered as possible for the weak AI. First, LE asserts mechanical mode of operation underlying the most of intellectual operations. Hence, even “weak AI” may fulfill many functions which were before attributed only to “strong AI”. Second, LE defines consciousness and intelligence as inherent inner potential powers of material systems, manifesting also in their ability and tendency to self-organization. Therefore, some features of “artificial” intelligence may be reconsidered as manifestations of intrinsic “intelligence” of matter, which also implies wider possibilities for AI systems. Some parallels appear with major Western philosophers such as G. Bruno, Leibnitz, H. Bergson, E. Husserl, including recent approaches of N. Luhmann’s systems theory and B. Latour’s actor-network theory.

Keywords: artificial intelligence, Living Ethics, reason, mind, intuition, skandhas, artificial neuron networks.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-10-175-186

Citation: Falev, Egor V. (2021) “The Concept of Artificial Intelligence and its Prospects from the Perspective of the Living Ethics’ Philosophy”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2021), pp. 175–186.

Вопрос об искусственном интеллекте (ИИ) давно перешел из чисто теоретической в практическую плоскость. Возможные применения ИИ включают в том числе военные задачи, вызывая дискуссии о новой «гонке вооружений» в сфере ИИ. Считается, что развитый ИИ может стать одним из важнейших военных преимуществ, позволяя применять роботизированные системы различной степени автономности, а также в перспективе сделать более эффективным принятие решений на всех уровнях командования. В Российской Федерации начаты амбициозные программы по развитию и внедрению ИИ в самых разных областях управления и экономики. 10 октября 2019 г. был подписан Указ Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта

* This research was completed as part of Lomonosov Moscow State University’s scientific-educational school “Brain, cognitive sciences and artificial intelligence”.

в Российской Федерации», в котором определяются базовые понятия, связанные с ИИ, основные принципы его развития и использования. Приведенное в Указе определение ИИ и связанных с ним технологий показывает, что в данный момент под ИИ понимаются преимущественно нейросети и их способность к самообучению: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» (I, 5а). «На смену экспертным системам пришло машинное обучение, благодаря которому информационные системы самостоятельно формируют правила и находят решение на основе анализа зависимостей, используя исходные наборы данных (без предварительного составления человеком перечня возможных решений), что позволяет говорить о появлении искусственного интеллекта» (II, 6, курсив мой. – Е.Ф.).

В экспертном сообществе формируется убеждение, что сейчас и в ближайшем будущем средоточие самых важных научных прорывов будет смещаться из области информационных и биотехнологий в сферу когнитивных исследований и их практических приложений. ИИ является не единственным, но пока основным значимым результатом в этой сфере на стыке информационных, биологических и когнитивных исследований.

Можно сказать, что научное изучение сознания и механизмов его функционирования приобретает стратегическое значение, так как именно в этой сфере происходит сейчас главный научно-технический прорыв, закладывающий основы в том числе нового технологического уклада. Неудивительно поэтому, что спешно создаются законодательные и организационные условия для экспериментов по внедрению ИИ, и первой крупной площадкой для такого эксперимента станет Москва. Так, Указ Президента РФ № 490 получил развитие в виде законопроекта Государственной думы РФ № 896438-7 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”».

Вместе с тем можно констатировать, что экспертная группа, участвовавшая в подготовке программных документов по развитию ИИ, использовала недостаточно строгий категориальный аппарат, что в будущем может привести к неэффективному использованию бюджетных средств и проигрышу в гонке когнитивных технологий. Так, в Указе ставится следующая задача: «Фундаментальные научные исследования должны быть направлены на создание принципиально новых научных результатов, в том числе на создание универсального (сильного) ИИ...» (V, 30, курсив мой. – Е.Ф.). Но, как будет показано ниже, возможность создания «сильного ИИ» является как минимум проблематичной, и есть серьезные основания считать эту задачу невыполнимой.

Сравнивая с историко-философской точки зрения концепции сознания в индийской и в западной философии, нельзя не прийти к выводу, что у индийских концепций есть как минимум одно неоспоримое преимущество – тщательно проработанный категориальный аппарат, позволяющий с научной точностью и строгостью описывать и исследовать самые разнообразные состояния и функции сознания, включая пограничные области, практически не изученные на Западе. В Европе и Америке традиция научного исследования сферы психического относительно молода, тогда как в Индии она имеет многотысячелетнюю историю.

Но недостаточная определенность базовых понятий когнитивных исследований обусловлена не только молодостью этой отрасли знаний на Западе, но и господствующей парадигмой научного познания в естествознании Нового времени. Многие философы начиная с конца XIX в. указывали на ограниченность научного способа образования понятий и вытекающую отсюда ограниченность научного мышления: Г. Риккерт, Э. Кассирер, А. Бергсон, Э. Гуссерль, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, А.Н. Уайтхед.

Характерно, что большинство из вышеперечисленных философов (кроме Хайдеггера) начинали как ученые или во всяком случае исповедовали сциентистское понимание философии, но позднее пришли к осознанию ограниченности научной парадигмы модерна, и прежде всего в понимании жизни и сознания.

Поэтому было бы неразумно, с точки зрения западных исследователей сознания, не воспользоваться богатством различий, предлагаемых категориями индийской философии. В частности, такие базовые понятия, как «интеллект», «сознание», «личность», «понимание», «мышление», до сих пор не получили однозначных и общепринятых определений в философии и науке Запада.

В индийской философии для обозначения различных уровней и проявлений интеллекта наиболее полная терминология выработана в рамках древнейшего философского направления *санкхья*. Эти понятия прошли многовековую проверку практикой в традиции *йоги*, которая с начала нашей эры может рассматриваться как «практическая (прикладная) санкхья». Категориальный аппарат санкхьи используют все философские школы и направления Индии, даже если они, как веданта и буддизм, не согласны с теоретическими положениями санкхьи. Живая Этика (ЖЭ), как ранее теософия Е.П. Блаватской, развивают терминологию и понятийный аппарат классических санкхьи и йоги, опираясь также на традиции, само существование которых западная наука ставит под сомнение (тарака раджа йога, эзотерический буддизм). При этом ЖЭ является самой современной ступенью в этой древней традиции изучения сознания, учитывающей все достижения западных науки и философии до 1930–40-х гг. В данной статье мы будем опираться именно на трактовку категорий сознания в ЖЭ.

ЖЭ не отрицает значение науки и техники, в том числе для изучения и развития сознания и интеллекта, она выступает только против научных предрассудков и предвзятости, вытекающих из жесткой приверженности односторонним и неполным научным концепциям. В отношении к опыту ЖЭ созвучна «радикальному эмпиризму» У. Джеймса, суть которого можно выразить в двух взаимодополняющих требованиях: 1) не принимать никакого положения, которое не было бы засвидетельствовано в опыте; 2) не отвергать (и не игнорировать) никакого явления, данного в опыте. Наука модерна, к сожалению, часто не соответствует второму требованию, отвергая все феномены, которые не вписываются в существующую научную картину мира. В учении ЖЭ об этом сказано: «Как примирить Учение с наукой?» Если наука преподает достоверное знание, то Учение [ЖЭ] и есть наука. Какую цель имеет наука, если она распухла от предрассудков?» (Община, 154)¹.

Главная категория, с определения которой следует начинать любую дискуссию об интеллекте, в том числе ИИ, – это категория *сознания*. Для западной науки и западного типа мышления в целом крайне сложно понять и принять трактовку сознания в индийской философии и в ЖЭ. Трудность состоит в том, что сознание в конечном счете не порождается самим человеком, даже как духом или субъектом, индивидуальностью, не говоря уже о теле. В основе сознания лежит начало не только сверхличное, но настолько метафизическое, что его невозможно постичь и выразить рационально. Это начало именуется «Атма», абсолютное «Само», несводимое ни к какому иному началу или основанию. Это принцип субъектности, но не «субъект», пусть даже абсолютный, а то, что делает любого субъекта субъектом. «Этот Дух или огненное Начало в человеке есть сияние или Луч Абсолюта, этого истинного, непознаваемого божественного основания всего сущего; это синтез его шести других принципов» [Егорова 2005, 65].

Сознание в собственном смысле слова как «субъективное» измерение любого опыта, есть выражение присутствия Атмы, божественного начала, «божественного» не в том смысле, что оно принадлежит какому-то богу, а в том, что оно является источником божественности любого бога. В терминах Живой Этики это формулируется так: «Сознание есть божественная энергия» (Знаки Агни Йоги, 406). «Сознание» при этом понимается в широком метафизическом смысле, схожем с трактовкой этого термина в эволюционной философии А. Бергсона: «Всё происходит так, как будто в материю

проник широкий поток сознания» [Бергсон 2001, 188], здесь «сознание» – по сути синоним «жизненного порыва», так как жизнь есть «сознание, брошенное в материю» [там же, 189].

Атма в ЖЭ является «ноуменальной основой» сознания, источником субъектности и субъективности, но «феномен сознания» становится возможным только благодаря «присутствию» Атмы по отношению к материальному телу, которое описывается Живой Этикой в духе буддийской философии как совокупность «агрегатов» (*skandha*): «Сознание... существует только в земной оболочке. Сознание... не есть знание духа. Сознание есть одно сочетание *Skandhas*. Сознание есть заключенное знание духа. Знание духа обладает ясностью представления, но активно проявиться может, лишь вступив в сочетание *Skandhas* и оплодотворив сознание данного сочетания» (Озарение, 2.12.3).

ЖЭ не является отвлеченной спекулятивной теорией сознания, это вполне научная философия и по методу, и по целям. Значение мозга для проявления феноменов сознания вполне признается ЖЭ: «Лучшие явленные аппараты заключены в мозгу» (Зов, 249). «Рука может лишь от плеча двинуться, как сознание – от мозга» (Озарение, 2.2.2). Но сознание, с точки зрения ЖЭ, является сложным производным феноменом, в проявлении и функционировании которого участвуют как эмпирические факторы (материальные агрегаты, скандхи, к которым относится и физический мозг), так и трансцендентальные и даже трансцендентные (Атма).

Из этого с неизбежностью вытекает, что *сознание* в собственном смысле слова в принципе невозможно произвести искусственно. Ибо невозможно искусственно воспроизвести феномен «божественного присутствия».

Остальные категории ЖЭ, описывающие феномены и уровни интеллекта, именуется в общем «принципами». Это *буддхи*, *высший манас*, *кама-манас*. (Упомянется также принцип *кама-рупа*, но его, строго говоря, уже нельзя отнести к проявлениям интеллекта.)

Буддхи по своей когнитивной функции ближе всего описывается термином «понимание», прежде всего интуитивное, то есть недискурсивное. В ЖЭ часто используется понятие «чувствознание», которое по своим проявлениям может показаться сходным с популярным сейчас «эмоциональным интеллектом», но на деле чувствознание является проявлением сверхразумного понимания, то есть прежде всего функцией буддхи, хотя в проявлении этого понимания в сознании могут участвовать и другие принципы. Из категорий западной философии ближе всего к восточному буддхи категория *интуиции* в философии Бергсона.

Высший манас (разум в собственном смысле слова, *nous* Платона, *Vernunft* Канта) – способность «созерцать идеи», или непосредственно постигать (схватывать) смыслы и ценности (Г. Риккерт).

Кама-манас (рассудок, *ratio*, *Verstand* Канта) – способность судить о вещах опыта, внешнего и внутреннего.

Термин «манас» происходит от корня *man*, который означает «измерять», «оценивать», «судить». Соответственно, низший манас – способность измерять и оценивать предметы опыта, или «опредмеченное содержание» опыта. Высший манас – способность «измерять», или скорее соизмерять, ценности и смыслы, а также соотносить понимание, исходящее от буддхи, с языком понятий рассудка.

Из этого описания очевидно, что ни буддхи (недискурсивное понимание), ни высший манас (дискурсивное понимание) даже теоретически не могут быть произведены искусственно, поскольку «понимание» есть модус сознания, а оно, как было сказано выше, есть феноменальный эффект присутствия Атмы по отношению к скандхам материального тела.

Какие выводы могут быть сделаны на основании концепции сознания Живой Этики для перспектив развития ИИ?

«Сильный ИИ» с точки зрения Живой Этики является в принципе нереализуемым. Здесь можно согласиться с С.Р. Аблеевым: «Если мы говорим о компьютерном

моделировании отдельных информационных аспектов процесса человеческого мышления – то такая система [ИИ] вполне возможна. Иными словами, наша теория допускает создание так называемого *слабого искусственного интеллекта* и отвергает создание *сильного искусственного интеллекта*» [Аблеев 2019, 206]. Задолго до появления понятия ИИ сходного взгляда придерживался Лейбниц: «Легко понять, что машина, хотя и производит самые красивые на свете вещи, сама этого не воспринимает» [Лейбниц 1982 I, 347].

Существуют различные подходы к определению «сильного ИИ», но наиболее распространенным общим признаком последнего полагается наличие способности к «представлению» реальности, то есть к формированию внутренней сферы значений, аналогичной сфере «субъективности» человеческого сознания. В человеческой жизни за формирование и поддержание этой сферы отвечает способность *понимания*, в терминах индийской философии обозначаемая термином *буддхи*. В системе санхьи буддхи является материальным принципом, первым и самым тонким видоизменением первоосновы Праkritи – производящей материи. Соответственно, буддхи подчинен универсальному принципу причинности и является частью всеобщей закономерности природы. Но причинность имеет разные механизмы и способы проявления на разных уровнях реальности, и буддхи никак не может быть объектом манипуляций в рамках «физической каузальности», доступной познанию и организации при помощи методов современного естествознания.

* * *

Вывод о невозможности «сильного ИИ» в классическом понимании очень важен, чтобы не ставить невыполнимых задач и не расходовать на это ресурсы. Но четкое проведение границ между возможным и невозможным позволяет лучше оценить поле возможного. ИИ с точки зрения философии Живой Этики имеет перспективы в двух качественно отличных направлениях развития.

Первое основано на признании механистичного характера многих интеллектуальных, точнее, рассудочных операций, которые вполне могут быть формализованы и переданы для выполнения машинам.

Кама-манас, или рассудок, уже содержит в себе некий механицизм операций, которые после должной тренировки выполняются в целом «бессознательно». Это позволяет большую часть таких операций выполнять при помощи внешних инструментов. Как указывают практики, работающие с ИИ, простейшими формами ИИ уже можно считать счетную доску абакю и календарный и астрономический *Антикитерский механизм*. Строго говоря, простейшие весы и даже мерную веревку или отвес уже можно считать «ИИ», так как интеллект передает часть «полномочий» для суждения внешним приспособлениям. Здесь есть действительно широкие перспективы, так как сфера применения рассудка в человеческой жизни и практике чрезвычайно широка и может оказаться шире, чем мы сейчас представляем. Уже сейчас ИИ способен создавать музыкальные и поэтические произведения, качество которых со временем будет, несомненно, улучшаться. ИИ действительно имеет перспективу проникнуть во все сферы человеческой жизни, так как она вся основана на деятельности рассудка.

Но следует ли из этого, что воспроизведение механистических операций человеческого рассудка с помощью механистических или электронных систем позволяет хоть в чем-то воспроизвести явления сознания, понимания, субъективности? Не говоря уже о том, чтобы это помогло лучше понять природу сознания. Человек с самого начала своей эволюции стремился передать часть своих механических функций внешним приспособлениям. Изготовление первых самых примитивных орудий труда, палки-копалки для вскапывания земли и камня-скребка для скобления шкур уже означало передачу функций когтей и зубов внешним инструментам. Помогают ли эти инструменты лучше понять человеческую природу? Да, но лишь косвенным и отрицательным способом. Те механические функции, которые человек может передать внешним инструментам,

не могут составлять внутренние существенные признаки человеческой природы, поскольку человек, лишившись этих функций, не перестает быть человеком. Аналогичным образом те механические функции рассудочного мышления, которые могут быть переданы системам ИИ, не могут составлять сущность человеческого сознания: именно потому, что мы способны передать эти функции внешним системам, они не могут составлять нашу сущность, поскольку и без них наше сознание не перестанет быть человеческим. В этом смысле развитие систем ИИ важно для самопознания человека именно тем, что позволяет понять, чем человек в сущности своей *не является*, и сосредоточить поиски самого себя в той сфере, которая еще не опредмечена в научном познании и, возможно, не может быть опредмечена, по крайней мере, без коренной перестройки научной парадигмы.

Со временем может оказаться, что и в научном (и не только прикладном), и даже в философском мышлении ИИ может производить качественные продукты, сопоставимые с творениями человека. Возможно, нам предстоит осознать, что и научное, и даже философское мышление (по крайней мере, очень убедительная видимость таковых) возможны при полном отсутствии понимания, исключительно за счет умелого оперирования установленными формами дискурса. Это должно рано или поздно привести (вновь) к осознанию различия между рассудком и разумом и важности понимания, особенно недискурсивного, как в философском, так и в научном мышлении. Создатели или «учителя» ИИ явно или неявно закладывают в ИИ свое понимание, которое может быть ограниченным предрассудками, включая расовые и прочие, предубеждениями и т.п. Затем ИИ может произвести результаты, далеко выходящие за пределы возможностей и предвидения человека, в развитие этих предубеждений.

Осталось только отметить, что и «искусственный рассудок» нельзя назвать «интеллектом» в полном смысле слова, так как в человеческом сознании даже механические операции рассудка выполняются за счет энергии сознания и являются частью более широкой жизни сознания, а значит, несут в себе, пусть и потенциально, возможность *понимания*, чего в принципе лишен ИИ. Согласно учению ЖЭ, все перечисленные принципы и по своей природе, и по функционированию, являются модусами *сознания* в вышеуказанном смысле. «Так называемые принципы в нас (исключая физическое тело и эфирный двойник, которые рассеиваются после смерти) суть лишь аспекты или состояния нашего сознания. Именно, все подразделения на дух, душу, Манас высший и низший, по существу являются лишь различными качествами одной основной энергии огня, жизни или сознания, самым высоким качеством которой будет психическая энергия» [Рерих 1992 II, 54].

Второе направление, в котором исследования ИИ могли бы оказаться перспективными с точки зрения ЖЭ, связано с трактовкой отношения сознания и материи. Дело в том, что сознание в описанном выше смысле присутствует в латентном виде во всей природе, включая и ту, что принято считать «неживой». Поэтому теоретически возможно не «создавать» сознание и его модусы, понимание и интеллект, а помочь проявиться скрытому и спящему сознанию в материальных объектах.

Когда аналитические философы, формулируя «трудную проблему сознания», спрашивают, как возможно, что некоторые процессы в мозге сопровождаются субъективными переживаниями, речь идет именно о сознании, но такая формулировка вопроса исходит из предпосылки (как минимум не доказанной), что *материя может мыслить* (сознать). Субъективное измерение опыта является, как показал Э. Гуссерль, «абсолютной, замкнутой в себе сферой» [Гуссерль 2009, 152], свойства которой и само ее существование нельзя вывести из причин, известных нам из опыта, просто потому, что субъективное и объективное измерения опыта – не две его части, а два способа его рассмотрения, две «перспективы», которые несводимы друг к другу, хотя и взаимосвязаны. Искусственно произвести субъективное измерение опыта означало бы выдать некие аспекты объективного измерения опыта за его субъективные аспекты, то есть произошло бы *смешение перспектив*, или «установок», в терминах Гуссерля, или «полей анализа», в терминах Габриэля Маркуса и Питера Уилберга.

Но есть еще одно определение сознания, с которым могла бы согласиться философия Живой Этики, оно также принадлежит А. Бергсону: сознание есть «арифметическая разница» между возможным и действительным действием [Бергсон 2001, 158]. Иными словами, сознание – «сфера возможного», окружающая действительность, или, по крайней мере, сознание становится возможным благодаря этой сфере возможного и наполняет ее. Категории «действия» и «движения» очень трудно достоверно разграничить, поскольку действие отличается от движения наличием действующего субъекта, а понятие «субъекта» было подвергнуто в философии XX в. полной деконструкции, подобно тому переосмыслению вечного «я», которое произвел Будда в Индии 2500 лет назад. Но если нет субстанциального «субъекта», то и сфера «субъективности» не может принадлежать субъекту и возникать как эффект его присутствия (напомним, что «Атма» – не синоним «субъекта»). Также различие между действием и движением становится крайне относительным. В квантовой механике, как известно, возможности (и неопределенность) получили новый статус: это уже не просто выражение нашего недостаточного знания о явлениях, но объективная черта самих явлений на квантовом уровне. Сопоставляя это открытие с определением сознания у Бергсона, получим, что сознание как «ореол возможного», окружающий действительные движения, разлито повсюду в материи. Можно предположить, что это разлитое в материи сознание ничего не «сознает» в нашем понимании этого слова, но несет в себе только возможность развертывания осознанности. Именно такова была позиция Джордано Бруно, Лейбница, а также самого Бергсона. По их мнению, сознание, как и жизнь, разлиты по всей материи как спящие до поры потенции, готовые пробудиться при первой же благоприятной возможности, как об этом писал, к примеру, Джордано Бруно: «Сколь бы незначительной и малейшей ни была вещь, она имеет в себе части духовной субстанции, каковая, если находит подходящий субъект, стремится стать растением, стать животным и получает члены любого тела, каковое обычно называется одушевленным, потому что Дух находится во всех вещах и нет малейшего тельца, которое бы не заключало в себе возможности стать одушевленным» [Бруно 2000, 70]. ЖЭ согласна с Бруно, Лейбницем и Бергсоном в том, что сознание и жизнь как потенции неотделимы от материи. Каковы же факторы, обуславливающие проявление этого потенциального сознания?

При разработке и исследовании нейронных сетей инженеры и ученые сталкиваются на практике с феноменом, хорошо известным в синергетике, – сложные системы с обратными связями, достигая определенного уровня сложности, обретают способность к самоорганизации. Эту способность, достигаемую, например, в нейросетях, уже не представляется возможным объяснить в рамках традиционных концепций кибернетических систем². Возникает большой соблазн увидеть в этом новом уровне самоорганизации проявление чудесным образом возникающего «сильного ИИ».

Понятие «цели» многие исследователи считают неадекватным для описания систем, не обладающих сознанием, поэтому обычно используется альтернативное понятие «аттрактор». Но замена термина не является решением проблемы: системы в стохастических состояниях, в точках бифуркации и при наличии сложных нелинейных (и даже нелокальных, по Г. Бейтсону) обратных связей ведут себя так, «как если бы» у них были определенные целевые состояния. При этом элементы системы оказываются «склонными» к таким целевым состояниям без видимого специфического причинного воздействия.

Любая сложная система, которая получает приток энергии извне, притом энергии качественной, то есть концентрированной, обретает способность к самоорганизации. Эту самоорганизацию уже можно назвать «разумом» в широком смысле слова. Она необъяснима «специфической» причинностью³, то есть система получает некоторое измерение свободы относительно внешней причинности.

Нас не должно смущать, что такой «разум» не будет сопровождаться представлениями. Большая часть операций разума и у человека осуществляется бессознательно, то есть не сопровождается представлениями. Всё, чему мы обучаемся с момента

рождения, поначалу требует внимания, но со временем переходит в область так называемого «автоматизма».

Этот «разум вещей» очень схож с тем, что писал Дж. Бруно о разуме как направляющем развитии вещей изнутри, подобно тому как кормчий направляет корабль, сам находясь на нем [Бруно 2000, 65]. Интеллект является, по Бруно, «одной из потенций» Мировой Души, поэтому, как и Душа, присутствует везде, где есть «форма» в аристотелевском смысле. Эта концепция разума как «правлящего изнутри вещей» была альтернативой идеалистическому пониманию разума в платонической линии философии, где разум рассматривался как внешний для вещей фактор. Такое понимание разума сохранялось вплоть до трансцендентальной философии Канта, неокантианцев и Гуссерля, где в основе разума полагалось трансцендентальное сознание и его носитель, трансцендентальный субъект (субъективность). Деконструкция понятия «субъекта», произведенная в XX в. многими философами (Бергсон, У. Джеймс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.), позволяет и в понимании разума вернуться к позиции стоиков и Бруно, признав, что «разумность» как способность к самоорганизации является одним из фундаментальных свойств реальности, которое проявляется, как только возникают подходящие условия в виде сложной системы взаимодействий и потока концентрированной энергии.

Если создать для самоорганизующейся системы идеальные условия для эволюции – устойчивый приток энергии и изобилие новых элементов, которые могут быть включены системой при ее усложнении, – то можно в относительно короткие сроки получить значимые уровни самоорганизации, равноценные бессознательной разумности⁴. «Целью» (аттрактором) любой такой системы будет как можно большая разница внешней и внутренней энтропии: внутренняя энтропия будет стремиться к снижению, а во внешней среде система будет усиливать энтропийные процессы. Если представить себе, что человечество создаст глобальную нейронную сеть, которая будет потреблять значимую часть планетарных энергоресурсов, то энтропийное воздействие такой системы может оказаться крайне разрушительным и для человечества, и для планеты в целом, в духе «восстания машин». Поэтому в подобную систему изначально должен быть встроен принцип иерархичности. Горизонтальные потоки энергии должны сопровождаться вертикальными потоками информации: производимая системой информация (негэнтропийность) не должна накапливаться в рамках системы, но передаваться иерархически более высокой системе, от которой будут поступать управляющие сигналы. Если удастся создать такую открытую систему, иерархически встроенную в более сложные экономические, социальные, культурные системы человечества, то можно будет сказать, что нам удалось не просто создать «искусственный интеллект», но наладить сотрудничество с «имманентным разумом вещей».

Почему же столь широкие перспективы ИИ как «пробуждения разума вещей» не могут привести также к «переходу количества в качество» и к возникновению представлений в субъективном измерении опыта, то есть сознания? Ведь даже если сознание понимать как божественную энергию и как «присутствие Атмы» по отношению к живому организму, то можно помыслить, что эта энергия также разлита во всем сущем и нельзя найти такую точку в материи, где бы начало Атмы абсолютно отсутствовало.

На это ЖЭ отвечает, что сознание есть особый тип энергии, овладение которым возможно только в ходе длительной эволюции, занимающей множество эмпирических существований. При этом нет необходимости постулировать неизменного «субъекта» как носителя сознания и как «революционирующее „я“», поскольку единство и поступательный характер эволюции обеспечиваются непрерывностью причинно-следственной цепи, а в субъективном измерении – непрерывностью накапливаемой памяти, поначалу бессознательной.

ЖЭ согласна с Лейбницем в том, что носителем сознания может быть только высочайший дух, обладающий богатым опытом и «отчетливыми восприятиями». Для обозначения этого носителя сознания ЖЭ и теософия используют тот же термин, что и Лейбниц, – «монада». Остальные монады, составляющее тело человека, его скандхи,

становятся причастными жизни сознания только благодаря соединению с «монадами-духами». В терминах теории систем это соответствует принципу *иерархичности* любой самоорганизующейся системы и необходимости *наблюдателя*, проводящего различия и задающего критерии осмысленности различаемых явлений. Аршинов и Буданов возводят этот принцип наблюдателя (я бы назвал его «иерархическим наблюдателем») к «знаковой» для синергетики работе Спенсера-Брауна «Закон формы» (1969 г.) [Spencer-Brown 2008]: «Наблюдатель Спенсера-Брауна, возникающий в деятельностном акте осознаваемого различения, запускает циклический (рекурсивный) процесс саморазличений внешнего и внутреннего, процесс, в котором он виртуально расщепляется на двух наблюдателей. Один наблюдатель-участник размещается внутри обозначенной области и при этом “не видит” ее границу с другой, необозначенной областью. В то время как второй, наблюдая деятельность первого, эту границу видит. И оба наблюдателя рекурсивно коммуницируют между собой, порождая тем самым процесс придания смысла ситуации в целом» [Аршинов, Буданов 2017, 53]. Только благодаря этой иерархической рекурсивности становится возможно возникновение представлений и представляющего сознания как «субъективного измерения опыта».

Дилемма системного подхода к сознанию у Лумана и сетевого подхода Латура также может быть вполне адекватно выражена в терминах индийской философии, используемых и в ЖЭ: буддизм понимает жизнь сознания и в целом психофизическую реальность человека как совокупность *скандх*, агрегатов или комплексов, которые можно сопоставить с децентрализованными «сетями» в трактовке Латура. Формулы Латура «сеть есть актор» и «актор есть сеть» в переводе на санскрит могли бы быть признаны как относящиеся к буддийской философской парадигме. В противоположность Латуру, Луман видит непреодолимую пропасть между наблюдателем (сознанием) и коммуникацией: «Сама коммуникация, и это нужно четко осознавать, вообще не может воспринимать... Нужно [уже] обладать сознанием, чтобы через восприятие трансформировать внешний мир в сознание... Коммуникация в этом смысле полностью зависит от сознания и одновременно полностью исключает его. Сознание никогда не является коммуникацией» [Луман 2007, 281]. Это нередуцируемое к коммуникации наблюдающее и воспринимающее сознание в индийской философии будет близко ведантистской традиции, признающей Атман (Self) в качестве нередуцируемой основы всякой субъективности. И так же, как Аршинов и Буданов предлагают применить принцип дополственности Бора для соединения системного подхода Лумана и сетевого подхода Латура в рамках общей теории сложности, так Костюченко [Костюченко 1983] предлагал рассматривать буддизм и веданту как взаимодополнительные позиции, позволяющие охватить всё пространство возможных точек зрения на реальность и человека. ЖЭ сходным образом соединяет буддизм и веданту в понимании сознания, опираясь на научный аппарат санкхьи и йоги, здоровый скептицизм буддизма и глубокоую рефлексию веданты.

По Лейбницу, все монады, даже простейшие, обладают «перцепциями», которые отличаются по степени ясности и отчетливости. Соединяясь в большие организмы под управлением «монад-духов», простые монады могут приобщаться к более высоким уровням сознания и таким образом получать более ясные перцепции. ЖЭ не только признаёт этот закон, но и распространяет его и на человека, и на все уровни сознания: «Распознавания можно достичь только примыканием к высшему сознанию, ибо только мера чистого устремления может открыть утверждённый завет Служения» (Иерархия, 143).

Но означает ли это, что сама *материя может мыслить*? Одна из линий решения этого вопроса состояла в том, что понятие «материи» не рассматривалось как формальная противоположность духу, носителю жизни и сознания. В философии стоиков, французских спиритуалистов (Ф. Равессон, Ж. Лашелье, Э. Бутру), Бергсона и Ч. Пирса материя есть не что иное, как «ослабленный дух» (*effete mind* у Пирса). В философии стоиков единая огненная субстанция, *pur technikon*, «творящий огонь», в зависимости от степени напряжения, *tonos*, производит все феномены действительности,

от материальных тел до разума (*logos*), и даже Бог есть огненный Логос высшего напряжения. Философия ЖЭ полностью принимает это стоическое учение, вводя понятие единой «духоматерии», и признавая также ее огненную в основе природу. «Сколько ступеней сознания, столько стадий в Беспредельности. Всё отвечает друг другу. Всё взаимно притягивается, и всё отражается в бездонном океане творчества» [Беспредельность 26].

Подводя итоги, можно сказать, что теория сознания и разума ЖЭ указывает непреодолимые теоретические границы перспективам по созданию ИИ. А именно сильный ИИ никак не может быть «искусственным». Однако среди возможного остается достаточно, и в категориях ЖЭ то, что ранее считалось в интеллекте «искусственным», вполне может оказаться проявлением естественного имманентного вещам потенциального «разума». Но для пробуждения этого разума и продуктивной работы с ним необходимо опираться на принцип вертикальных иерархических взаимодействий.

Примечания

¹ Здесь и далее при ссылках на книги ЖЭ приводится номер параграфа соответствующей книги по изданию [ЖЭ].

² «Отсутствие понимания того, как искусственный интеллект [при машинном обучении] достигает результатов, является одной из причин низкого уровня доверия к современным технологиям искусственного интеллекта и может стать препятствием для их развития» (Указ Президента РФ № 490, II, 8).

³ Классический пример самоорганизации – при очень равномерном нагревании воды на ее поверхности образуются шестигранные структуры. Никакие внешние причины не обуславливают появление именно таких структур, поэтому говорят, что у них нет «специфических» причин. Нагревание является «неспецифической» причиной, которая лишь запускает в системе молекул воды процесс самоорганизации.

⁴ Здесь речь идет не об обучаемых системах, подобных шахматным программам, и не о самоорганизующихся системам, в которых роль элементов могут играть математические функции, а скорее о нейроморфных искусственных нейронных сетях, подражающих физическому строению мозга человека и животных.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Бергсон 2001 – Бергсон А. Творческая эволюция. М.: ТЕПРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001 (Bergson, Henry, *L'Évolution créatrice*, Russian Translation).

Рерих 1992 – Письма Елены Рерих. Т. I, II. Минск: Прамеб, 1992 (Roerich, Helena, *Correspondence*, in Russian).

Бруно 2000 – Бруно Дж. Философские диалоги. М.: Алетейя; Новый Акрополь, 2000 (Bruno, Giordano, *Philosophical Dialogues*, Russian Translation).

Лейбниц 1982 – Лейбниц Г.-В. Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982 (Leibnitz, Gottfried Wilhelm, *Works*, Russian Translation).

Гуссерль 2009 – Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М.: Академический Проект, 2009 (Husserl, Edmund, *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*, Russian Translation).

ЖЭ 2008 – Агни Йога. Живая Этика. В 5 т. Т. 1 (Зов; Озарение; Община; Знаки Агни Йоги). Т. 2. (Беспредельность; Иерархия). М.: Рипол Классик, 2008 (Agni Yoga, in Russian).

Луман 2007 – Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007 (Luhman, Niklas, *Introduction to Systems Theory*, Russian Translation).

Фишер 2005 – Фишер К. История новой философии. Готфрид Вильгельм Лейбниц: его жизнь, сочинения и учение. М.: АСТ; Транзит-книга, 2005 (Fischer, Kuno, *Geschichte der Neuern Philosophie*, Russian Translation).

Spencer-Brown, George (2008) *Laws of Form*, Bohmeier, Leipzig.

Ссылки – References in Russian

Аблеев 2019 – Аблеев С.Р. Сознание и материя. Великий предел. М.: ИПЛ, 2019.

Аршинов, Буданов 2017 – Аршинов В.И., Буданов В.Г. Системы и сети в контексте парадигмы сложности // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 50–61.

Егорова 2005 – *Егорова М.Н.* Схема принципов человека. Высшая триада // Серебряная чаша. Альманах. Вып. 1. М.: Ариаварта-Пресс, 2005. С.60–102.

Иванов, Фотиева, Шишин 2012 – *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.* Человек восходящий. Философский и научный синтез «Живой Этики». Барнаул: Алтайский дом печати, 2012.

Костюченко 1983 – *Костюченко В.С.* Классическая веданта и неоведантизм. М.: Мысль, 1983.

References

Ableev, Sergey R. (2019) *Consiosness and Matter. Great Limit*, IPL, Moscow (in Russian).

Arshinov, Vladimir I., Budanov, Vladimir G. (2017) “Systems and Networks in the Context of the Paradigm of Complexity”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1, pp. 50–61 (in Russian).

Egorova, Margarita N. (2005) “The Scheme of Human Principles. Higher Triade”, *Serebryanaya Chasha*, Vol. 1, pp. 60–102 (in Russian).

Ivanov, Andrey V., Fotieva, Irina V., Shishin, Mikhail Y. (2012) *Man Ascending. Philosophical and Scientific Synthesis of the “Living Ethics”*, *Altayskiy Dom Pechati*, Barnaul (in Russian).

Kostyuchenko, Vladislav S. (1983) *Classical Vedanta and Neo-Vedantism*, Mysl, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

ФАЛЁВ Егор Валерьевич –

доктор философских наук, доцент, профессор

кафедры истории зарубежной философии

философского факультета МГУ

им. М.В. Ломоносова.

Author’s Information

FALEV Egor V. –

DSc in Philosophy, Professor,

Faculty of Philosophy,

Lomonosov Moscow State University.